

**Управление по реализации национальной политики
департамента Президента РТ по вопросам внутренней политики
Управление образования Исполнительного комитета г. Казани
Ассамблея народов Татарстана ГБУ «Дом Дружбы народов Татарстана»
(базовый организатор Конференции)
Казанский федеральный университет
Институт психологии и образования**

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ПО ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**Сборник научных трудов
II Международной научно-практической конференции**

27 апреля 2016 года

Казань-2016

УДК 371:394/395

ББК 74.03

В 10

Печатается по решению Ученого совета
Института психологии и образования
Казанского (Приволжского) федерального университета

Редакционная коллегия:

Фахрутдинова Г.Ж., д.п.н., профессор, Мотыгуллина А.Р., к.ф.н., доцент,
Хадиуллин И.Г., к.п.н., доцент, Мустафин Д.М., к.п.н., доцент,
Шарипов И.И., Владимиров Н.М., Мясникова Н.В., Зиннатулин Р.К.

Рецензенты:

Т.Н. Петрова - д.п.н., профессор ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, г.Чебоксары;
Г.Ф. Хасанова – д.п.н., профессор КНИТУ, г.Казань.

В 10 **Взаимодействие** органов власти, общественных объединений и образовательных учреждений по гармонизации этноконфессиональных и межнациональных отношений: региональный аспект: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Казань, 27 апреля 2016 г.) / **под ред. Г. Ж. Фахрутдиновой.** – Казань: редакционно-издательский центр «Школа», 2016. – 444 с.

ISBN 978–5–9907141–8–2

Сборник включает материалы участников Международной научно-практической конференции из России, Белоруссии, Казахстана, Болгарии, Кубы, Вьетнама и др. В них отражены история, теория и практика межэтнических и конфессиональных отношений в России и за рубежом.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

©Институт психологии и образования
Казанского (Приволжского)
федерального университета, 2016

ISBN 978–5–9907141–8–2

© Оформление РИЦ «Школа», 2016

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Полонников Александр Андреевич

*кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника Центра проблем развития образования
Белорусского государственного университета,
г.Минск*

Практики диалога в поликультурном мире могут, на наш взгляд, иметь достаточно разнящиеся теоретические и практические перспективы. Они соотнобразуются с характером связи между моделью диалога и устройством социокультурного пространства, в котором эта модель реализуется. В настоящем тексте мы исходим из того, что направленность (эксплицитная или имплицитная) на формирование гомогенной или гетерогенной жизненной реальности определяет форму и содержание практики диалога. Утверждаемый ею контекст и есть его социокультурное значение. Назовем это значение «диалогической стратегией».

Ю. Хабермас, выступающий в нашем изложении оппонирующим «концептуальным персонажем», различал диалогические стратегии посредством категорий «телеологического» и «нормативного» действия. Первая предполагает «наличие одного, а именно объективного мира», общего для его участников, в то время как вторая опирается на предпосылку различий «не только между действующими субъектами, но и между мирами» [7, s. 131]. Если для телеологической стратегии результат диалога – взаимопонимание – реализуется автоматически, поскольку его участники действуют в мире согласованных значений, то для нормативной – принципиальным условием становится языковая координация. Партнерам по нормативной коммуникации еще предстоит договориться о значениях, им «необходимо говорить на одном и том же языке и входить в интересубъективно разделяемый языковым сообществом жизненный мир» [4, с. 59]. Координация значений по Хабермасу обеспечивается «коммуникативным использованием языка», решающим три задачи: выражение мнения, налаживание коммуникации (установление единства языка), сообщение чего-то. Только при решенности этих трех задач можно говорить о взаимопонимании. Таким образом, различия хабер-

масовых диалогических стратегий хотя и существенны, но не настолько, чтобы считаться непримиримыми. И в той, и в другой стратегии достижение взаимопонимания, а значит поддержка и создание общего для партнеров мира, выступает и целью, и критерием оценки диалогической эффективности.

Предложенные Ю. Хабермасом диалогические стратегии во многом значимы для современного состояния западного мультикультурального мира, которому нужны специальные семиотические механизмы, противостоящие социальной энтропии и способные обеспечить социальное единение дифференцирующегося и глобализирующегося сообщества. С этой точки зрения, теория коммуникативного действия Хабермаса – это проект социальной идентификации в новых жизненных условиях, в которых ее автоматическое функционирование часто нарушается. Переживаемый ныне ЕС «кризис беженцев» одной из своих сторон связан с нарушением культурного семиозиса в процессе социальной идентификации. «Ремонт» семиотического воспроизводства возможен на базе стратегий диалога, предложенных Ю. Хабермасом. Образование, разумеется, проявляет чувствительность к такого рода предложениям, что проявляется в проектах мультикультурального обучения.

Между тем современная культурная ситуация часто оказывается сложнее и даже парадоксальнее в смысле перспектив существования общего мира. Диалогические стратегии Хабермаса, как это следует из нашей реконструкции, используют в своем устройстве идею переводимости участвующих в интеракции сообщений, их соизмеримости и даже реципрокности коммуникативных позиций (возможности «стать на место» партнера). Однако насколько универсальна такая аксиоматика?

Обратим в этой связи внимание на наблюдения польского социолога Эвы Доманьской. В ее описании современной культурной ситуации обнаруживают себя границы хабермасовой диалогической конструкции. Доманьска указывает на распространение таких феноменов, как генная инженерия, трансплантология, психофармакология, нанотехнология и др., вызвавших к жизни новые формы субъектности: «киборг, клон, синтезированные предметы, звери, монстры, мутанты (генетически модифицированный человек или животное), террористы (чаще всего самоубийцы, бомжи, представители разного рода меньшинств (геи, транссексуалы, люди разного этнического происхождения, умственно неполноценные)» [5, s. 12]. То есть теперь становятся нормативными ситуации, в которых партнер по диалогу отличается от нас сущностно, «видово и/также органично (например, в смысле неорганической жизни)» [там же, s. 11]. Отношение диалогической реципрокности радикально разрушается. Принципиальным в устройстве новой диалогической ситуации оказывается невозможность общего смыслового мира, разорванность коммуникативного пространства и несоизмеримость и непересекаемость (гетерономность и гетерохронность) символических миров. Эту ситуацию Ж.-Ф. Лиотар описывает как деструкцию метанарратива и торжество паралогии [2, с. 147]. Формируется ситуация диалогической стратегии, в основе которой лежит онтология «конца социального» и которая пока не охватывается «никакой традиционной практикой и никакой

традиционной теорией, а, может быть, и вообще любой практикой и любой теорией» [1, с. 4].

В практико-диалогическом плане признание обсуждаемого определения ситуации знаменует появление «я» партнера в особом онтологическом статусе, предполагающем и его специфическую коммуникативную аранжировку или *онтологизацию «я»* партнера (автономное бытийствование). Таким образом, речь идет о диалоге, открывающем Иность (Другого). Это открытие есть и задача, и событие образования. На уровне педагогической идеологии оно оформляется как проблема *не присвоения* Другого. В семиотическом плане это означает, во-первых, априорную проблематичность претендующих на общую значимость высказываний, а во-вторых, необходимость изменения *практик себя* (термин М. Фуко) партнеров по паралогическому (парадоксальному) диалогу. И если первое имеет принципиальное решение в моделях культурно-антропологических исследований, ставящих под вопрос культурные и научные узусы ученых, то второе, как нам представляется, образует значительную зону неопределенности. Мы предполагаем, что ее определение сообразуется с переходом от опытов самоотношения, в которых натурализованное «я» выступает в качестве источника суждения о мире, другом и себе (то есть действует как внеситуативное образование), к релятивному «я»-отношению, базовым условием реализации которого выступает *ситуативация «я»*. Последнее заключается в подходе к «я» как «утраченной реальности» [6, с. 87], в его анализе и диалогическому практикованию как «конструкции, созданной социальными отношениями» и прежде всего обстоятельствами текущей коммуникации [8, с. 126]. **Двуединость процессов онтологизации «я» партнера и ситуативации своего «я» выступает семиотическим условием функционирования паралогического диалога.**

Механизм этих двуединых процессов лежит в практике двойного остранения (термин В. Шкловского). Первая функция остранения реализуется прежде всего во внешней коммуникации и связано с преобразованием речи другого в «странную и удивительную» речь Другого. «Затронутость «я» другим, нежели «я» служит опорой упорядоченного обмена между этими двумя грамматическими лицами» [3, с. 384]. А возникающий в такого рода коммуникации Другой «помогает мне сосредотачиваться, утверждаться в моей идентичности» [там же, с. 387]. То есть цель парадоксального диалога не взаимопонимание, а самообнаружение. Вторая функция остранения определяется в пространстве внутреннего диалога и связана с превращением собственной коммуникативной позиции в проблематичный предмет. То, что было «я», предстает как «не-я». Речевое воплощение этого превращения выглядит как грамматическая модификация самоименования (в терминах Рикёра – «алогический перенос»). «Смысл ego в alterego – вот что мы предполагали во всех наших исследованиях, касающихся самообозначения всякой другой личности, нежели «я», в языке, действиях, повествовании и моральном вменении. В предельном случае этот перенос может облекаться в форму цитирования, благодаря которому «он мыслит», «она мыслит» означает: «он/она говорит в сердце своем»» [там же, с. 390]. Превращение «я» в «не-я», появление во внутриличностном пространстве «чужого голоса», ставшего продуктом само-

разотождествления, не следует трактовать в терминах психопатологии. Мы говорим здесь о необходимости формирования у субъекта особого самоотношения, допускающего «непрозрачность» «я» для самого субъекта, а также неожиданность самопрезентаций «я» в динамических коммуникативных обстоятельствах.

Список литературы:

- 1 Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
- 2 Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя; СПб.: Институт социологических исследований, 1998. 231 с.
- 3 Рикёр, П. Я сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
- 4 Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 379 с.